

«Подвиг новомучеников как свидетельство любви»

Духовное и богословское наследие приснопамятного митрополита Антония очень разнообразно. Мы черпаем из него наставления о молитве, о предстоянии перед Богом, о построении взаимоотношений с близкими, о труде перенесения болезней и о подготовке к смерти. Темой же настоящего сообщения является видение приснопамятного владыки святости подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской.

К подвигу новомучеников владыка Антоний неоднократно обращался в своих проповедях и выступлениях, и, несомненно, для него самого осознание этого подвига и их молитвенное предстательство имели важное значение.

Мученичество

Мученики — древнейший сонм святых, прославляемых Церковью. Как в греческом, так и латинском языках мученики обозначаются, соответственно, словами: «μάρτυς» (мартис) и «martyr» (мартир), которые при дословном переводе на русский язык соответствует слову «свидетель». Древнецерковная традиция видит в подвиге мученичества в первую очередь подвиг свидетельства о Христе «даже до смерти» (Фил. 2:6–8).

Подтверждение этому мы можем найти в многочисленных богослужебных текстах, посвященных мученикам, в том числе и в службе Новомученикам и исповедникам Церкви Русской (см., например, светилен этой службы). При этом в разных текстах, как в богослужебных, так и богословских трактатах, смысл этого свидетельства обозначается по-разному. Это может быть и прямое свидетельство о Христе Иисусе, Свете Истинном, как в упомянутом выше светильне службы Новомучеников, так и свидетельство мучеников о их верности Христу, как это звучит в молитве Новомученикам.

Следуя церковной, святоотеческой традиции, митрополит Антоний также видел в подвиге мучеников в первую очередь подвиг свидетельства, но он обратил внимание на особый аспект, особую грань этого свидетельства.

Видение подвига мученичества и вообще святости владыка основывает на словах Ап. Павла из I послания к Коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:1–3).

По словам владыки: «Главное в мученике — не кровь, а неизменная, не изменяющая любовь. Дело не в тиграх и львах. Многие люди погибли, растерзанные хищными зверьми, но только те, чья смерть была проявлением милосердной любви, то есть любви к Богу и любви к людям, погибли мучениками в основном смысле этого слова, μάρτυς, то есть свидетелями».

В проповеди в день памяти Новомучеников российских в 1995 году владыка сказал: «Слава церковная — ее мученики, потому что мученики веры — это люди, которые оказались настолько укоренены в любви к Богу и в любви к ближнему, что они были готовы быть свидетелями перед всем миром о Божественной любви. И не только любовь к Богу они проявили; это было личной их любовью. Но и любовь к миру они проявили тоже, потому что они отдали свою жизнь для того, чтобы иметь возможность всем людям, всем, кто только мог услышать их глас, всем, кто мог услышать об их подвиге, засвидетельствовать о том, что Бог

есть Бог любви, и что у Него есть на земле свидетели, настолько убежденные в Его правде и в любви Его, что они готовы отдать и всю жизнь свою во свидетельство тому».

Говоря о святости вообще, владыка говорит: «Определение святости через чудеса и тому подобные явления — недостаточно». «Святость — любовь Божия, действующая свободно и сознательно». «Евангелие пробуждает любовь, и одна только любовь и определяет святость».

Прославляя подвиг новомучеников Церкви Русской, митрополит Антоний говорил: «Мученики, исповедники российские являются славой русской земли перед лицом Божиим, свидетелями того, что в самые страшные, темные годы нашей истории, издревле и до сих пор, были сонмы людей, мужчины, женщины, дети, которые так Ему поверили, так отдали себя в Его руку на служение, что они до смерти остались Ему верными. <...> Подумайте, что это значит: Бог так возлюбил мир, что Он Своего Сына Единородного отдал на смерть для того, чтобы мы поверили в Его любовь, поверили в Его учение, последовали за Ним, и стали достойными себя самих и той любви, которую Бог нам подарил. <...> И наша Русская земля ответила на эту любовь Божию, отдав себя. Тысячи и тысячи людей жили достойно этой любви; и тысячи и тысячи людей умерли достойно этой любви».

В подтверждение сказанному владыка приводит конкретные примеры проявления любви в подвиге мученичества за Христа, явленные в России в минувшем XX столетии.

Осталась любовь...

Один из любимых владыкой примеров — это рассказ об одном молодом священнике, которого в ранние годы русской смуты арестовали за проповедь Евангелия. Он провел в тюрьме несколько месяцев, подвергался допросам, пыткам, пережил страх, оставленность, одиночество. Его выпустили. Родственники, друзья его окружили: «Что осталось от тебя?», — спрашивали они человека, который попал в тюрьму молодым, крепким, пламенным, а вышел оттуда изможденным, поседевшим, как будто сломленным. И он ответил: «Страдание поглотило все. Осталось одно: любовь». И он без колебания снова принял за проповедь среди тех, кто его предал и выдал, и умер в концентрационном лагере.

Другой любимый владыкой пример о рабе Божией Наталии, которая ценой своей жизни спасла жену белого офицера с двумя детьми от расстрела. Это произошло в 1919 году, когда один из городов средней России, переходивший раз за разом из одних рук в другие, оказался в руках новой власти; в этом городке находилась женщина, жена русского офицера, со своими двумя детьми. Она спряталась на окраине города, в опустелом домике, и решила переждать до момента, когда сможет бежать. Однажды вечером кто-то постучался к ней в дверь. Она трепетно ее открыла и оказалась перед лицом молодой женщины, ее же лет, которая ей сказала: вы ведь такая-то, не правда ли? Вам надо немедленно бежать, потому что вас предали, и сегодня ночью придут вас брать. Мать посмотрела на нее, показала своих детей: куда мне бежать — они же далеко не пойдут, и нас сразу узнают! И тогда эта женщина, которая была просто соседкой, улыбнулась и сказала: «Нет! Вас искать не станут, потому что я останусь на вашем месте». «Но вас расстреляют!» — сказала мать. И молодая женщина снова улыбнулась: «Да! Но у меня нет детей». И мать ушла, а молодая женщина осталась. Глубокой ночью пришли, застали эту молодую женщину (звали ее Натальей) и расстреляли. Мать с детьми спаслась, и Владыка был лично знаком с ней и ее детьми.

Мы знаем, что можно привести и другие подобные примеры. Например, мученическую кончину убиенного в Бутове Сергея Михайловича Ильина, пострадавшего по обвинению в совершении тайных богослужений, которые совершал его брат, известный в Москве священник отец Александр Ильин. Сергей Михайлович не указал на следствии, что

предъявленные по документам следствия обвинения относятся не к нему, мирянину, С.М.Ильину, а к его брату, священнику А.М.Ильину, и принял смерть за брата.

Опыт общения с представителями поколения наших отцов и дедов, прошедших через горнило гонений за веру, тюрьмы и лагеря, свидетельствует нам, что эти люди были удивительно любвеобильны, светлы и радостны, и, общаясь с ними, мы находились в атмосфере любви и света.

О благодарности

Говоря о подвиге новомучеников, владыка особо обращал внимание на значение этого подвига для нас. «Мученики являют нам новую высоту любви Божией в человеческих сердцах, новую победу Божию. Бог снова являет Себя, и мученичество одного перерастает в спасение другого».

В другом месте он говорил: «...Из них многие, отдавали свою жизнь за Христа, за веру, были замучены и в застенках, и в тюрьмах, и в лагерях за то, что они верили во Христа, и предпочитали умереть скорее, чем отказаться от Него, от своего Бога, от своего Спасителя, от Того, Кто так их возлюбил, что Он Сам Свою жизнь отдал, чтобы мы не сомневались в Божественной любви и чтобы нам открылись врата вечной жизни».

«Мы должны быть благоговейно благодарны за их подвиг, за величие их души, за дерзновение их жизни; но каким вызовом является их жизнь для нас. Мы живем жизнью серой, часто без подвига внутреннего, и, конечно, без внешнего подвига. <...> Так ли мы отвечаем на любовь Божию? <...> И их память мы должны совершать не только тем, чтобы ликовать о них, чтобы дивиться на них, а тем, чтобы, взглянув в их жизнь, стать подобными им, отдать свое сердце, отдать свою жизнь для служения Тому Богу, Который нас научил такой любви».

Владыка Антоний был современником новомучеников, человеком перенесшим тяготы эмигрантской жизни, горячо любившим Россию и, несмотря на все искушения, верным сыном Русской Православной Церкви. Он чаял прославления в лике святых новомучеников и исповедников российских, и канонизацию Собора новых мучеников русских он принял с радостью.

К сожалению, приходится признать, что, несмотря на прославление этого великого сонма новых русских святых, при ответе на вопрос, поставленный владыкой: «Так ли мы отвечаем на любовь Божию, явленную через подвиг новомучеников?», мы потупляем взоры.

Но, слава Богу, в Церкви происходит осознание этого подвига. В честь новомучеников освящаются храмы, крестятся новопросвещенные. Новым святым пишутся иконы, им совершаются богослужения, в их память проходят крестные ходы, организуются конференции. Ведется многолетняя полемика о критериях, необходимых для прославления в лике святых того или иного члена Церкви, пострадавшего в те страшные годы гонений. И видение подвига новомучеников как свидетельства о любви, о чем учил приснопамятный митрополит Антоний, является важным вкладом в соборное осознание значения и величия подвига, совершенного великим сонмом новых мучеников Церкви Русской.

(Публикуется по тексту: <http://www.pravmir.ru/podvig-novomuchenikov-kak-svidetelstvo-lyubvi/>)